

«Курдская проблема» во внешней политике Турции

Сергей Кизюков

Значение «курдской проблемы» для Турции связано, в первую очередь, с пониманием турецкой национальной идентичности, которое было сформулировано еще в эпоху Ататюрка. В общих чертах этот подход к идентичности сохраняется и сегодня. Так, в принятой в октябре 2005 г. новой редакции «Документа о политике национальной безопасности» — концепции национальной безопасности и внешней политики — турецкий национализм был вновь провозглашен основным принципом, образующим страну.

При этом речь не идет о чисто этническом национализме. Традиционно кемализм придерживался принципа «нации на основе гражданства»: «всякий проживающий в Турции гражданин этой страны является турком». Кемалистская политическая элита убеждена, что любое отступление от этого принципа чревато распадом страны, и видит главную опасность в создании курдского федеративного образования в Турции, а затем и единого курдского государства — «Великого Курдистана». Попытки руководства правящей Партии справедливости и развития переформулировать принцип «нации на основе гражданства» и частично признать возможность

«многоуровневой идентичности» встретили в 2005 г. серьезное сопротивление со стороны военного руководства и кругов, близких к «твердым кемалистам». Стало очевидно, что идеологические проблемы, сохраняющиеся на протяжении всей истории Турецкой Республики, по-прежнему влияют на ее текущую политику, в том числе внешнюю.

На внешнюю политику Турции, по мнению исследователей, влияет и «комплекс краха Османской империи». Как известно, Севрский договор (1920 г.) предусматривал создание «подмандатных великим державам» «Великой Армении» и государства Курдистан, территория которых должна была охватывать значительную часть современной Восточной Турции. Впоследствии национально-освободительная борьба привела к тому, что Турция была создана в нынешних границах. События двух последних десятилетий, в первую очередь, распад Югославии и, в несколько меньшей степени, распад СССР, усилили беспокойство турецкой элиты в связи с возможностью возникновения курдского государства и последующего краха кемалистской национальной модели [Ahmad 2002: 9]. На состоявшемся 15 февраля 2007 г. в Анкаре семи-

наре «Безопасность Турции и национальное единство», организованном аналитическим центром ТУСАМ, федерализация Турции была названа главной опасностью ближайшего будущего. По мнению выступавших, федерализацию может спровоцировать оформление курдской государственности (или, как минимум, широкой автономии) в Северном Ираке.

Тема «курдского государства» присутствует в сознании турецкой политической элиты с самого начала существования Республики. Считается, что во время борьбы за независимость Турции курдские племена в основном выступали на стороне приверженцев М. Кемаля [Mango 2000: 3]. Курды были достаточно широко представлены и в первом парламенте республиканской Турции. Из 23 восстаний против новой власти, произошедших до 1924 г., только 3 по составу участников были курдскими [Kirişci 2002: 280].

До определенного момента проблема образования «Великого Курдистана» воспринималась как навязанная, в том числе самим турецким курдам, внешними, враждебными силами («империалистическими державами») с целью уничтожить Турецкую Республику. Но затем появились предпосылки для серьезных межнациональных разногласий. По конституции 1924 г., в полном соответствии с кемалистской концепцией «нации на основе гражданства», население страны было признано «турками» (под этим термином понимались все лица, проживающие на территории государства и имеющие турецкое гражданство). Но в реальности, как отмечают турецкие исследователи, негласной основой такого национального консенсуса стало признание «полноценными турками» всех говорящих по-турецки мусульман-суннитов ханифитского направления: в глазах создателей

Республики ханифитская ветвь суннизма ассоциировалась с секуляризмом и «умеренным исламом» [см., напр.: Gözübüyük, Zekai 1957: 439–440].

Остальные группы населения, по сути, оказались вне этого «национального большинства», носившего в значительной степени религиозный характер. Это касалось этнических арабов, курдов, исповедующих шафиитское направление суннизма либо шиизм (и тем более, йезидизм), а также алавитов (большая часть суннитских улемов вообще не признает их мусульманами). Ассимиляция путем перехода на турецкий язык и смены, как минимум, на внешнем уровне религиозной «ориентации» для большинства представителей этих групп была абсолютно неприемлема.

В результате курды были вовлечены в 16 из 17 восстаний, произошедших в Восточной Анатолии с 1924 по 1938 гг. [Kirişci 2002: 281]. Однако к 1939 г. их выступления были полностью подавлены, и центральная власть восстановила свой контроль над этой территорией. Одновременно были приняты усилия по ассимиляции курдов, в том числе путем расселения в традиционные курдских районах тюркоязычных эмигрантов с Балкан. Кроме того, «неблагонадежные элементы» из числа курдов выселялись в западные районы страны. С середины 1930-х годов само понятие «курд» в официальных документах было заменено термином «горный турок». В 1934 г. вступил в силу закон, по которому культурная ассимиляция всех народов Турции в рамках «единой турецкой нации» признавалась государственной политикой, — за основу было взято соответствующее законодательство Французской Республики. К концу 1950-х годов эта политика принесла определенные плоды: часть курдов, действительно, стала считать себя турками.

По мнению историка Э. Манго, к середине 1930-х годов квазиидеологическое наполнение лозунга «единой турецкой нации» имело решающее значение в определении национальной принадлежности народов Турции. Согласно так называемой «солнечной теории происхождения языков», поддерживаемой Ататюрком, пратюркский язык и культура лежат в основе всех остальных языков и культур человечества, включая, естественно, и курдскую культуру. В рамках этих идеологических представлений «быть курдом» означало одновременно «быть турком», поэтому никаких противоречий между двумя типами национальной самоидентификации, по мысли создателей данной теории, возникнуть не могло [Mango 2000: 20–21]. Однако после смерти Ататюрка и, в особенности, после Второй мировой войны «солнечная теория» под влиянием западных лингвистических исследований утратила авторитет и стала признаваться антинаучной. Идеологические основы кемалистского «тюркизма» оказались размыты.

Изменилась и внешнеполитическая ситуация. С образованием Ирака и ростом влияния левацких и националистических группировок в Иракском Курдистане и на юго-востоке Турции появилась и «курдская проблема». Она особенно обострилась в 1980-е годы, когда была создана и начала свою террористическую деятельность Рабочая партия Курдистана (РПК).

Долгое время турецкое общество и значительная часть политической элиты отрицали само существование «курдской проблемы». Лишь в 1993 г. тогдашний премьер-министр Турции С. Демирель заявил о «признании курдской реальности». В стране были разрешены публикации на курдском языке, отменены запреты на курдские имена и топонимику. Однако наличие «курдской

проблемы» признал только новый премьер Р. Эрдоган в своей речи в Диярбакыре в августе 2005 г.

Следует отметить, что исторически государство курдов никогда не существовало, хотя курдские исследователи и сочувствующие им авторы указывают на «первые очаги курдской государственности» — династии Хасанвайхидов (959–1015 гг.), Марванидов (983–1085 гг.) и Айюбидов (1169–1252 гг.) [Лазарев 1997: 7]. После того, как территория Курдистана была поделена между Османской империей и Ираном, тема курдской государственности оказалась надолго «закрытой». После Первой мировой войны Курдистан подвергся новому разделу: большая его часть вошла в состав Ирака (в то время протекторат Англии), меньшая — в состав Сирии (находившейся под властью Франции). Значительная часть территорий, населенных курдами, отошла Турецкой Республике.

После иракской революции 1958 г. рост арабского национализма способствовал развитию курдского национального самосознания. Результатом стало так называемое курдское восстание под руководством Демократической партии Курдистана, которое продолжалось с перерывами с 1961 по 1975 гг. Под нажимом повстанцев руководство Ирака было вынуждено пойти на образование Курдского автономного района. Тем самым был создан прецедент для дальнейших действий в направлении развития курдской государственности.

Мощный импульс тенденция к оформлению курдской государственности получила с распадом СССР и ликвидацией биполярной системы. США, относившиеся крайне враждебно к багдадскому и тегеранскому режимам, сделали явный поворот в сторону курдов, прежде всего иракских. У них появился шанс превратить Иракский

Курдистан в зону своего военно-политического влияния в центре западноазиатского региона, откуда было «удобно воздействовать на ситуацию в наиболее беспокойных районах Ирака, Ирана, Турции и Сирии» [Лазарев 1997: 13]. По сути, Соединенные Штаты признали фактическое право Иракского Курдистана на национальное самоопределение, оказывая местным курдам военно-политическую и частично экономическую поддержку с 1991 г. вплоть до свержения режима С. Хусейна. С середины 1990-х годов американцы уже открыто планировали установление в Ираке федеративной политической системы, в которой Курдистану отводилась роль ключевого элемента.

Серьезную обеспокоенность Анкары вызвали усиление РПК в Северном Ираке в условиях вакуума власти, возникшего в результате «первой войны в Заливе», а также вооруженное соперничество двух основных курдских организаций — Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотической партии Курдистана (ПСК). Ответом официальных властей стал ряд трансграничных операций турецких вооруженных сил, крупнейшая из которых была проведена в марте 1995 г. с участием 35 тыс. военнослужащих и продолжалась шесть недель.

В ноябре 1996 г. две ведущие курдские партии, не без посредничества турецкой стороны, заключили перемирие («Анкарский процесс»). Турецкие власти пытались внушить руководителям ДПК и ПСК мысль о зависимости их партий и ситуации в регионе в целом от позиции Турции. В сентябре 1996 г. лидеру ДПК М. Барзани было заявлено о категорическом неприятии Анкарой идеи превращения Ирака в федеративное государство. С этого момента

тема воспрепятствования созданию «курдского государства»* стала неотъемлемым элементом турецкой внешней политики. В риторике Анкары она звучит так: «сохранение Ирака в качестве единого, целостного, суверенного государства».

Тем не менее турки уже в основном смирились с американскими планами федерализации Ирака, хотя они и не особенно устраивают Анкару: ведь со временем ей, скорее всего, также придется перестраивать свою политическую систему на федеративных началах. В последнее время цель турецкой дипломатии в этом вопросе заключается в том, чтобы не допустить получения курдской автономией каких-либо преимуществ, в первую очередь экономических, за счет остального Ирака. Именно поэтому в официальных заявлениях турецкого МИД постоянно присутствует пожелание сделать нефтеносный район вокруг г. Киркук «достоянием всего иракского народа». Отсюда же — постоянные ссылки на права туркманов (тюркоязычного населения Ирака), которым должна быть предоставлена возможность селиться в городах Иракского Курдистана, откуда, по мнению Анкары, их вытеснили курды с целью «моноэтнизации региона».

Прогнозы развития ситуации в курдских регионах в целом неутешительны для Анкары. 13 сентября 2005 г. журнал «Темпо» опубликовал выдержки из «закрытого доклада» Норвежского института международных отношений (NUPI) под названием «2011: Гражданская война в Турции». По прогнозам норвежских экспертов, федерализация Ирака приведет к изменению всей политической системы Ближнего Востока, что скажется и на Турции. Нарастание противоречий между курдскими и турецкими регионами со вре-

* В официальных документах МИД Турции этот термин не употребляется. — *Прим. авт.*

менем приведет к возникновению «точечных конфликтов» по линии разделения двух этнических групп. В качестве потенциальных зон таких конфликтов называются города Малатья, Элязиг, Эрзурум, Мараш и Газиантеп. «Гражданская война», возможная, по мнению авторов доклада, в 2011 г., будет представлять собой кратковременную серию вооруженных столкновений примерно по этой линии. Последующее вмешательство ООН, ЕС и НАТО де-факто приведет к разделению страны. В результате Турция перестанет существовать в нынешних границах, а новое государство, потерявшее до трети своей прежней территории, станет более удобным для «абсорбции» в ЕС. Сейчас же Турция, как считают авторы доклада, «слишком велика и неравномерно внутренне развита для вступления в Евросоюз». Подобные сценарии, уже без ссылок на западные источники, публикуются в турецкой прессе довольно часто.

Тема «курдского государства» остается одним из важнейших индикаторов состояния дел внутри турецкой политической элиты. Пока большая ее часть явно не намерена идти на компромисс и поступаться принципами кемализма, хотя ее решимость постепенно размывается под влиянием новых политических реалий. Осторожные дискуссии на эту тему ведутся со второй половины 1990-х годов (их результаты публикуются в основном за рубежом). В частности, Манго предлагает в качестве компромиссного варианта «мягкий пересмотр» кемалистских принципов на основе изучения наследия самого Ататюрка. Ведь до определенного момента Ататюрк «признавал многонациональный характер исламского населения Турции, настаивая лишь на его братском единстве. Он также обещал, что местное самоуправление Республики будет учитывать национальную

специфику» [Mango 2000: 22]. В связи с этим Манго упоминает, что Ататюрк говорил о «мозаичном» характере турецкого общества, что, по мнению исследователя, может стать основой для нового определения понятия «национальность». Такой подход устраивает и сторонников «исламской идентичности» турок.

Предлагается также пересмотреть саму концепцию турецкого гражданства, которая, по мнению сторонников данного подхода, должна учитывать современные реалии, в том числе факт наличия двойного гражданства у определенной части турок. Необходим переход от «функционализма», когда гражданство ассоциируется с принадлежностью к национальной культуре, к «нормативизму» (формальной принадлежности гражданству страны) [İçduygu et al. 2000: 203–204]. Это могло бы автоматически снять проблему «курдского государства», так как никто не препятствовал бы турецким курдам иметь, при желании, двойное гражданство (Ирака или будущего «курдского государства»). Но такой подход, несомненно, уже нельзя считать «кемалистским».

Сейчас трудно предсказать, какой путь решения проблемы выберет политическая элита Турции. Очевидно лишь, что по мере движения по пути к вступлению в ЕС и развития ситуации в Ираке концепции национального единства страны будут подвергаться постоянному давлению с разных сторон и, как минимум, частичному пересмотру. Одновременно будет нарастать и сопротивление со стороны тех кругов, которые не желают модернизации политической системы в соответствии со стандартами ЕС.

Но до тех пор, пока пути решения вопроса о национальной идентификации не определены, проблема «курдского государства» останется серьезной нагрузкой

для турецкой внешней политики, которая в целом носит прагматичный и рациональный характер. Это проявляется в следующем:

- турки вынуждены внимательно отслеживать все процессы, связанные с усилением курдских сепаратистских тенденций в Северном Ираке, и пытаться воздействовать на них, чтобы не допустить создания влиятельной курдской автономии;
- турецкой дипломатии приходится искать практически у всех своих партнеров поддержки в вопросе сохранения «единого, целостного, суверенного иракского государства», в том числе в обмен на различные уступки;
- в отношениях с ЕС тема национальных меньшинств — одна из самых трудных для турецкой стороны, поскольку европейские стандарты (в частности, Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств 2001 г.) предполагают совершенно иной концептуальный подход, нежели кемалистские принципы;
- в отношениях с США курдская проблематика оказывается одним из основных источников постоянных

разногласий (турки крайне чувствительны к тому, как и в каком качестве американцы принимают представителей как турецких, так и иракских курдов) и не способствует продвижению к реальному «стратегическому партнерству»;

- страны, в которых имеется курдская диаспора (ряд государств ЕС, Россия и некоторые страны СНГ), также представляют для турецкой внешней политики определенную проблему, поскольку эта диаспора достаточно активно лоббирует свои интересы.

Иными словами, чисто идеологический концепт «турецкой национальной идентичности», сформулированный в 1920–1930-е годы и окончательно сложившийся в 1960-е годы, оказывает вполне реальное и крайне непродуктивное воздействие на внешнюю политику страны. Но поскольку политическая элита Турции пока не готова от него отказаться, он по-прежнему сильно «связывает руки» турецкой дипломатии. Отказ от прежнего понимания идентичности, несомненно, произойдет, однако прогнозировать его примерные сроки в настоящее время не представляется возможным.

п р и м е ч а н и я

Лазарев М.С. 1997. Южный Курдистан в истории и политике // Южный Курдистан сегодня (Уроки кризиса). Центр курдских исследований Института востоковедения РАН. М.

Ahmad F. 2002. The Historical Background of Turkey's

Foreign Policy // The Future of Turkish Foreign Policy. L. Gözübüyük Ş., Zekai Z. 1957. 1924 Anayasası Metinleri Hakkındaki Meclis Görüşmeleri. Ankara.

İçduygu A., Çolak Y., Soyarık N. 2000. What is the Matter with Citizenship? A Turkish

Debate // Seventy-Five Years of the Turkish Republic. Portland.

Kirişçi K. 2002. The Kurdish Question and Turkish Foreign Policy // The Future of Turkish Foreign Policy. L.

Mango A. 2000. Atatürk and the Kurds // Seventy-Five Years of the Turkish Republic. Portland.